Н. А. Кочековская
ORCID: 0000-0002-6808-0882
✉ *nakochekovskaya@edu.hse.ru*
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

«Западные» и «восточные» дискурсы в дипломатической переписке Ивана Грозного: роль компаративного метода для концептуализации понятия и для определения границ корпуса посланий

Аннотация. Центральной проблемой статьи является специфика дипломатической переписки XVI в. и, как следствие, неоднозначность отнесения ряда примеров из переписки Ивана Грозного к сфере дипломатии или их исключения из нее. В случае дипломатии Ивана Грозного к специфике средневековой дипломатии как взаимоотношения авторитетов и харизмы конкретных правителей, а не двух независимых и равных субъектов международного права (как это сложится к раннему Новому времени), добавляется существование двух линий дипломатической переписки — с правителями Европы и условного «Востока». В центре внимания статьи находится феномен экстраполяции модели переписки, принятой в сношениях Московского государства с преемниками Золотой Орды, на переписку с европейскими правителями, в случаях, когда Иван считал своего «западного» контрагента недостаточно достойным для использования равного с собой статуса и использовал в посланиях такому контрагенту элементы переписки с преемниками Золотой Орды, занимавшими к этому моменту более низкий и граничащий с зависимым статус в иерархии государств, существовавшей в посольской службе. В статье делаются выводы о значении этих примеров для теоретической проблемы определения границ корпуса посланий Ивана, показывающие, что пограничность статуса адресата Ивана между дипломатическим контрагентом и «вассалом» является неотъемлемой частью того, как осмыслялась дипломатия в Московском государстве XVI в.

Ключевые слова: средневековая дипломатия, компаративистика, статусы, титулы, иерархия, риторика, этикетные формулы, челобитие, голдовничество, переписка Ивана Грозного с Данией, Швецией, Ногайской Ордой

© Н. А. КОЧЕКОВСКАЯ

Для цитирования: *Кочековская Н. А.* «Западные» и «восточные» дискурсы в дипломатической переписке Ивана Грозного: роль компаративного метода для концептуализации понятия и для определения границ корпуса посланий // Шаги/Steps. Т. 5. № 2. 2019. С. 157–174. DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-2-157-174.

Благодарности. Основная часть исследования выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 16-18-10091. Руководитель проекта — К. Ю. Еруслимский. Теоретико-методологическая часть исследования подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2018 г.
Принято к печати 23 января 2019 г.

Shagi / Steps. Vol. 5. No. 2. 2019
Articles

N. A. Kochekovskaya
ORCID: 0000-0002-6808-0882
✉ *nakochekovskaya@edu.hse.ru*
National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow)

"Western" and "Eastern" discourses in the diplomatic correspondence of Ivan the Terrible: The role of the comparative method in conceptualizing the phenomenon and in defining the missives' corpus

Abstract. The central issue of this article is the specific nature of diplomatic correspondence in the 16th century and, as a consequence, the difficulty in determining whether or not some examples of Ivan the Terrible's correspondence belong to the realm of diplomacy. There were two distinct lines in Ivan's diplomatic correspondence — with the rulers of Europe and with those of the conventional "East"; this in addition to the nature of medieval diplomacy as a relationship between the authority and charisma of individual rulers, rather than between independent and equal subjects of international law (as becomes the case by the Early Modern period). In dealing with this problem, this article suggests a

© N. A. KOCHEKOVSKAYA

comparative analysis of two conditionally distinguished discourses in Ivan the Terrible's diplomatic correspondence — "Eastern" and "Western" ones. However, the model of correspondence used for contacts between the Muscovite State and the successors of the Golden Horde was frequently being extended to the correspondence with European rulers. This took place in those cases where Ivan believed his "Western" interlocutor unworthy of being granted a status equal to Ivan's own and, as a result, used in his missives elements of his correspondence with the successors of the Golden Horde, who by then occupied a lower, semi-subordinate position in Ivan's hierarchy of states. The article lays out conclusions regarding the significance of such examples for the theoretical problem of drawing the boundaries between diplomacy and non-diplomacy in the corpus of Ivan the Terrible's letters. We show that the the question of how the addressee of Ivan's missives was viewed — as a diplomatic partner or a "vassal" — was an essential part of the way diplomacy was considered in the 16th century Muscovite State.

Keywords: Medieval diplomacy, comparative studies, status, titles, hierarchy, rhetoric, etiquette formulas, petition, paying homage, Ivan the Terrible's correspondence with Denmark, with Sweden, with the Nogai Horde

To cite this article: Kochekovskaya N. A. (2019). "Western" and "Eastern" discourses in the diplomatic correspondence of Ivan the Terrible: The role of the comparative method in conceptualizing the phenomenon and in defining the missives' corpus. *Shagi / Steps, 5*(2), 157–174. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2019-5-2-157-174.

Acknowledgements. The main part of the paper is supported by the Russian Scientific Foundation (project no. 16-18-10091). Theoretical and methodological part of the article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project "5-100".

Received November 20, 2018
Accepted January 23, 2018

1

Проблема «западного» и «восточного» в современной гуманитарной теории обладает существенной провокативностью. Так, после «Ориентализма» Э. Саида (впоследствии автор переосмыслил отразившееся в этой работе радикальное противопоставление Запада и Востока [Саид 2012: 5–38]), после постколониального поворота, выдвинувшего проблему гибридности и пограничных зон [Бахманн-Медик 2017: 217–282], сама постановка вопроса о сравнении «западного» и «восточного» требует подробного обоснования целей и метода, позволяющего избежать скатывания к абстрактным понятиям и общим местам. Отдельной теоретической рефлексии такая постановка вопроса требует при работе с материалами дипломатической переписки Ивана Грозного. В историографии компаративный метод на материалах истории Московского государства XVI в. уже сопоставлялся с проблемой соотно-

шения понятийного инструментария, лежащего в основе социальных связей, с европейским или степным контекстом [Кром 2013: 210–215]. Материалы дипломатической переписки Ивана Грозного позволяют развить эту проблематику при помощи анализа различий в формуляре переписки (и зачастую в самой логике выстраивания текста послания) с европейскими правителями, с одной стороны, и преемниками Золотой Орды, с другой. Помимо связи с проблематикой понятийного инструментария, сравнительный метод оказывается способом переосмысления на современном теоретическом уровне феномена средневековой дипломатии, часто становящегося «жертвой» модернизирующего взгляда, который игнорирует специфику понимания дипломатии в Московском государстве XVI в., связанную не только с исторической эпохой[1], но и с различными направлениями дипломатической переписки, с отсутствием единообразия в логике ее ведения с теми или иными контрагентами.

Компаративная плоскость важна применительно к рассматриваемой теме и потому, что, помимо концептуализации феномена дипломатической переписки как действий дипломатической службы и как комплекса документов, перед исследователем встает археографическая проблема определения границ этого комплекса, включения в него того или иного послания, его определения как дипломатического или недипломатического. Представляется, что компаративное исследование понятий, концепций и риторики в «западных» и «восточных» посланиях от Ивана и к Ивану позволит прийти к выводам, важным в разрешении обеих проблем. Значимость компаративной плоскости объясняется наличием в комплексе дипломатической переписки Ивана Грозного источников, которые могут свидетельствовать о заимствовании в переписке с Данией и Швецией понятий и оборотов, использовавшихся в переписке с Ногайской Ордой. Ключевой особенностью этих заимствований (рассматриваемых прежде всего на материалах посланий, адресованных Ивану Грозному, однако для анализа требующих учитывать риторику его ответных посланий), как мы постараемся показать в статье, становится совмещение в одном и том же нарративе риторики дипломатии (как отношения двух равных и независимых субъектов международных отношений) и риторики челобития, совмещение, которое проблематизирует сферу дипломатического и ставит дипломатическое послание Ивану Грозному на грань международной переписки и «писем во власть». Такая пограничность особенно важна в свете указанных проблем, поскольку она напрямую вытекает из специфики средневековой дипломатии, заключающейся в игре статусов и определения старшинства применительно к конкретному правителю, а не к государству как субъекту системы международных отношений; из специфики, которая делает проблематичным и неоднозначным отделение дипломатической переписки от недипломатической.

А. И. Филюшкин, обращавшийся к вопросу о значении челобитной формулы в дипломатической переписке, констатирует, что выражение *бить челом* не может интерпретироваться как выражение подчинения: так, «для москов-

[1] См., например, критику такого подхода в фундаментальном исследовании А. Л. Хорошкевич [1980] А. И. Филюшкиным [2013: 286–288]. Об актуальности выработки применительно к истории Московского государства новых понятий, опирающихся на инструментарий изучаемой эпохи и способных заменить те, что происходят из марксистско-ленинской теории истории, см.: [Кром 2013; 2015: 209–221].

ских послов оно скорее обозначало сам факт обращения, акцентацию на том или ином аспекте переговоров» [Филюшкин 2006: 97]. Тем не менее, как отмечает исследователь, «несомненно, что термин *челобитье* все же указывал на некоторую приниженность контрагента» [Там же]. Это подтверждается, как мы постараемся продемонстрировать, случаями оспаривания данного термина при составлении посланий, а также корреляцией между отказом контрагента Ивана от подчиненного статуса и отказом Ивана от ведения переписки. А. И. Филюшкин отмечает гибкость политической культуры Московского государства второй половины XVI в., ее способность к перениманию различных политических языков и к их трансформации в соответствии с конкретной ситуацией [Там же: 218–219]. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть в контексте феномена такой трансформации гипотезу о совмещении и сопоставлении в «дипломатическом воображении» посольской службы Ивана Грозного статусов Дании и Швеции со статусом Ногайской Орды и смешения в связи с этим риторических формул, принятых в европейской дипломатической переписке, с формулами, принятыми в переписке Ивана Грозного с Ногайской ордой[2]. По нашему мнению, основанием для такого смешения становятся сомнения Ивана в статусе европейских контрагентов, а также его требования от них употреблять в дипломатических сношениях формы и формулы, выражающие приниженность и вызывающие коннотации подчиненности, что влекло за собой ассоциации со статусом наследников Золотой Орды, настойчиво представляемых Иваном своим европейским контрагентам в качестве покоренных или подчиненных. В соответствии с этой проблематикой структура дальнейшего текста делится на две основные части, анализирующие челобитную риторику и элементы «писем во власть» в переписке Ивана Грозного, с одной стороны, с Датским и Шведским королевствами и, с другой, с Ногайской Ордой.

2

Ю. Н. Щербачев описывает конфликт Ивана Грозного и датского короля Христиана III в конце 1550-х годов по поводу статуса Дании, предметом которого было несогласие Ивана на братское обращение к нему датского короля, употреблявшееся прежде, в переписке с Иваном III и Василием III [Щербачев 1887]. Хотя статус Дании в связи с этой коллизией был принижен, его более точную характеристику усложняет сравнение со статусом Швеции, появляющееся в дипломатической переписке. Хранящийся в Стокгольмском государственном архиве список послания Ивана шведскому королю Юхану III содержит указание на то, что Дания выше Швеции, поскольку она — «извечное великое королевство»[3]; однако последнее лишь позволяет датскому королю переписываться с Иваном напрямую, а не через новгородских наместников,

[2] Необходимо отметить, что переписка с Ногайской Ордой рассматривается в данной статье в качестве казуса в связи со значительно меньшей, чем европейская дипломатия, исследованностью восточной дипломатии Ивана и одновременно со значительно бóльшим объемом последней. Дальнейшего исследования требует вопрос о соотношении понятий «восточного» и «степного» в дипломатии Ивана Грозного, а также сравнение дипломатической переписки Ивана с преемниками Золотой Орды и Османской империей, Персидской империей, Бухарой.

[3] Riksarkivet (Стокгольм). Muscovitika. № 671. Л. 153 об.

чего царь требовал от Юхана. То, что эта формулировка означает лишь право переписки с Иваном, показывает характеристика статуса Швеции из другого письма Ивана сыну Христиана III Фредерику II, в котором Иван говорит про разбойные действия людей «недруга нашего литовского короля и непослушника нашего, свѣйского Ягана короля (разрядка наша. — *Н. К.*)» [Русские акты 1897: Стлб. 101]. Действительно, значительную долю содержания переписки Ивана со Швецией составляет отказ Ивана признать за шведскими королями равный статус, позволяющий им переписываться не с его наместниками, а напрямую с ним, и требование о прекращении переписки[4]. Таким образом, переписка Ивана со Швецией в категориях московской дипломатии в принципе оказывается маргинальным явлением, существование которого представляет собой следствие «непослушества» шведского короля Юхана III. Связь категории «непослушества» с категорией подчинения оказывается понятной в связи с предписанием Юхану перейти под власть Ивана:

> …будет тебѣ любо с нами ссылатис мимо намѣсников, и ты нам покорися и поддаися, и что будет пригож, тѣм нас почти, и мы тебя пожалуем, от намѣсников отведем, а даром тебѣ с нами ссылатис не пригож и по господарьству и по отечеству; а сами без твоего покорения твоего титла и печати не хотим[5].

Это предписание Ивана прямо указывает на перспективу перехода категорий дипломатических связей в категории подчинения.

В переписке содержатся прямые указания на зависимость статуса Дании от ее отношений со Швецией: так, память посольству 1562 г. в Данию предписывала послам указание на то, что «братское» обращение датского короля к шведскому снижает статус первого:

> …в розговоре говорити, что корол датцкой пишетца королю свѣйскому братом, а свѣйской корол пишетца господаря нашего вотчины Великого Новагорода бояром и намѣстником братом[6].

Это указание на снижение статуса имело большое значение, поскольку в датском дипломатическом дискурсе важную роль играла отсылка к существованию прецедента — высокого статуса Дании в переписке с Иваном III и Василием III [Щербачев 1887: 92]. Указания на этот прецедент должны были быть парированы аргументом, что тогда король Дании «сидел» также и на Шведском королевстве, а теперь там другой правитель:

> …блаженные памяти великий господарь Иван царь всеа Русии дѣд господаря нашего великого господаря Ивана царя всеа Русии жаловал короля Ивана и писал к нему потому так, что был Иван корол на датцком королевстве и на свѣйском. Также и блаженные памяти великий господарь

[4] Наиболее ярко — в [Послание 2001]; ср. с указанием А. И. Филюшкина на значение наместничеств для дипломатического статуса, которое могло приводить даже к появлению фиктивных наместничеств [Филюшкин 2006: 211–219].

[5] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Л. 26 об.–27.

[6] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 1. Л. 318.

> Василей царь всеа Русии и великий княз, отец господаря нашего, жаловал Крестерна короля датцкого потому ж, что он был на королевстве ж на датцком и на свѣйском. А ныне на свѣйском королевстве иной корол[7].

«В братстве было отказано — датский король пишется братом шведскому, а шведский — не более чем брат новгородских наместников московских государей», — резюмирует А. И. Филюшкин [2013: 103]. Довершалась антитеза тем, что Казань и Астрахань — прежде бывшие «за великими господари и цари рускими» — снова подчинены Ивану («А после тѣх времен з Божиею помочию великому господарю царю и великому князю Ивану Василевичю все, а Русии Бог поручил не одны царства — царство Казанское, царство Азстораханское, и иные многие господарства»[8]), тогда как Швеция, наоборот, сменив подчиненный статус на «братский», понизила дипломатический статус Дании. Это снижение оказывалось объяснением того, что в 1558 г. письмо датского короля Христиана III, в котором тот называл Ивана «братом», было оставлено Иваном без ответа, но получило ответ от наместников, заключавшийся в требовании больше не присылать посланий с братским обращением [Русские акты 1897: Стлб. 37–38]. Эта же логика стала аргументом в ответе на предложение посольства шведского короля Эрика XIV переписываться с Иваном напрямую, а не через наместников: если Иван за последнее время присоединил ногаев, то к владениям Эрика не было никакого приращения, не говоря уже о том, что сами эти владения несопоставимы с владениями Ивана[9].

Важным оказывается то, что это снижение сразу ставит переписку на грань подчиненных формул. Так, московские дипломаты неоднократно пытались вынудить датских применить при составлении посланий формулы, выражающие подчиненный статус, главным образом формулу *бить челом* [Щербачев 1887: 153–155; Ульфельдт 2002: 372; 434–435]. Говоря о «дипломатической адаптации» при переводе посланий, К.-Х. Лунд и О. В. Иванова указывают, что «к дипломатической адаптации относится также смягчение унизительных для короля выражений, таких, как формула *челобития*, которую Олуфсен переводит нейтрально как “просьбу”, как в грамоте от июня 1581 г., в которой царь предлагает королю заранее попросить у него опасную грамоту для предполагаемых датских послов: “и бьешь челомъ пріятелно”» [Лунд, Иванова 2012: 99]. Статус Дании также может уточняться в связи со следующей формулировкой: «А царство казанское и царство азстороханское таковы ж господарьства как и королевство датцкое»[10], — поскольку через официальную «дипломатическую легенду» Московского государства, отраженную в многочисленных памятях послам, постоянно проходит пункт о том, что Казань и Астрахань, будучи традиционно подчиненными Московскому государству, «обособились» и были приведены Иваном к покорности. Все это позволяет предположить, что в дипломатии Московского государства не было противопоставления дипломатических посланий как переписки равных субъектов и посланий, адресованных Ивану низшими по статусу, — напротив, категории прошения составляли основу значительной части корпуса дипломатической переписки Ивана.

[7] Там же. Л. 318 об.
[8] Там же. Л. 318 об.–319.
[9] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 1. Л. 238.
[10] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 1. Л. 319.

Ключевыми в понимании дипломатического статуса Дании в свете этих категорий оказываются послания Ивану датского герцога Магнуса, который прямо называет себя «голдовником» (вассалом) Ивана[11]. Однозначность трактовки этого статуса может быть поставлена под сомнение в связи с такой формулировкой, как обращенные к нему слова Ивана «о твоих тайных делех»[12], отражающих понятие о суверенитете. Отсюда можно заключить, что значимым оказывалось своего рода «сохранение соотношения», — Магнус не должен был быть подданным (более того, Иван отдает за него дочь князя Владимира Старицкого), спорные территории не должны были перейти под власть Ивана — дипломатическим решением оказывалось именно сохранение двойственности дипломатии и «вассалитета», выраженной в договорной грамоте:

> [Если Магнус] изнеможет, или его дѣти изведутца, и тогды из Датцкого королевства, и не инде, выбирати господаря на (Ви)флянскую останочную землю, и тому нашему царскому величеству и нашим дѣтем царевичем и их дѣтем таково ж голдовати и крест цѣловати и вѣрою и правдою служити против нашего царьства и наших недругов без хитрости [Русские акты 1897: Стлб. 96].

Таким образом, «голдовничество» становилось формой заключения союза между Иваном и Фредериком II, требовавшей от последнего за косвенное отношение к этим землям лояльности Ивану. При этом необходимо отметить, что отраженный перепиской характер этого союза Ивана с Магнусом и в меньшей степени Фредериком показывает, что функции датских правителей в этих отношениях были схожи с функциями наместников: они пропускали послов Ивана, обязывались не пропускать через свои земли по указу Ивана, например, Генриха III Валуа или его послов, отправлявшихся в Речь Посполитую [Там же: Стлб. 108–110][13], а также выполняли функцию информаторов[14].

Однако не менее важным представляется то, что эта комбинация продолжает соотношение статусов, основанное на концепте братских связей: брат датского короля Фредерика II оказывается «голдовником», и это понижает его статус. Косвенным подтверждением этому служит то, что «голдовничество» Магнуса не было оформлено как договор: текст, который может быть интерпретирован как трактат, оформлен как обычное послание датскому королю Фредерику II, что фактически может говорить об одностороннем порядке принятия соответствующего решения, о том, что Фредерика извещают о решении, уже принятом в результате обращения к Ивану герцога Магнуса («…приезжал к нам брат твой, датцкой королевич арцог Магнус бити челом, чтоб ему быти у нас в подданных голдовником, и пожаловати б нам его своей отчины Вифлянские земли городом Ригою, городом Колыванью и всѣми тѣми останошными городы Ливонские земли, которые нынѣ за литовским и за свийским» [Там же: Стлб. 93]). Наконец, описание А. Н. Щербачевым хранящейся в Копен-

[11] См. переписку Ивана с Магнусом: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 101 об.–103 об., 107 об.–108, 108–108 об., 116–117 об., 219 об.–221 об; Ф. 32. Оп. 1. Кн. 3. Л. 139–141.

[12] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 2. Л. 219.

[13] Там же. Л. 77–80 об.

[14] Там же. Л. 101 об.–103 об., 116–117 об., 153–156.

гагене ответной грамоты Фредерика показывает двусмысленность заключения соглашения между Магнусом и Иваном: «Король благодарит царя за пожалование герцога Магнуса, однако не может согласиться на поставленный условием этого пожалования союз (короля датского) с царем против шведов и поляков и проч. — Местности, передаваемые ныне Магнусу, безо всяких новых обязательств (со стороны короны датской) принадлежат по крестному целованию королю. — Между королем и шведами заключен в Штеттине мир» [Датский архив 1893: 75]. Заключение А. И. Филюшкина, согласно которому употребление в этом случае челобитной формулы свидетельствует о том, что «произошла девальвация уничижительного значения понятия» [Филюшкин 2006: 96], не комментирует факта конфликта между Иваном и Фредериком по поводу статуса; однако представляется, что этот факт может говорить об употреблении челобитной формулы в данном случае в качестве риторического приема, содержащего дополнительную смысловую окраску и все же имевшего относящиеся к этому конфликту уничижительные коннотации. Об этом свидетельствует еще одно наблюдение К.-Х. Лунда над переводом на датский и на немецкий языки грамоты Ивана, извещающей Фредерика о пожаловании Магнуса: «Что касается формулы челобития, следующей сразу после сообщения о приезде Магнуса, то датский переводчик избегает присущего ей оттенка унижения и переводит ее нейтрально как “просьбу”» [Лунд 2011: 58–59].

3

Наличие элементов челобития в дипломатических посланиях Ивану ногаев обусловлено в первую очередь практикой так называемых запросов — обращений с просьбой о присылке товаров, обладающих не символическим, а откровенно экономическим значением (доспехи, гвозди, охотничьи птицы, мед, бумага, «платье»)[15]. Эти запросы приобрели прагматический характер с середины XVI в. ввиду резкого экономического упадка ногаев в связи с междоусобицей; однако происходят они из практики этикетного (отсылающего еще к традиции дани Золотой Орде) дарения подарков [Моисеев 2011a; 2011b], впервые зафиксированного в письме Ивана III. Характерно, впрочем, что перечислению отправляемых даров в этом письме не предшествовал запрос [Посольская книга 1984: 55], в то время как в посланиях Ивану IV запросы составляют основной смысл дипломатических сношений, а всякая этикетная часть или риторические обороты отсутствуют в принципе: тексты представляют собой предложения о содействии в набегах на крымского хана, перемежающиеся перечислениями родственников, которых необходимо за это «пожаловать». Практика запросов дополняется практически полным отсутствием в ногайской переписке (за исключением косвенных свидетельств) *опасных грамот*, сопровождающих послов и удостоверяющих их миссию. Важно также и различие соотношения на европейском и ногайском дипломатическом направлениях посланий и речей: если в первом грамоты играют скорее символическую и статусную, чем информативную роль, то во втором речи послов небольшие по объему, а грамоты носят утилитарный характер; этот принцип присутствует в посланиях Ивана ногаям и гиперболизируется в посланиях ногаев Ивану.

[15] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 6–6 об., 57 об.; Кн. 8. Л. 42 об., 67.

Впрочем, необходимо отметить, что это соотношение оказывается сопоставимым на ногайском и шведском направлениях, довершаясь присущим обоим «утилитаризмом». Например, как отмечает А. И. Филюшкин, «шведские посольские книги содержат куда меньше религиозной риторики, чем польско-литовские. Иногда в них есть обличение шведского протестантизма как крайней формы безбожия, но эта тема особо не развивается. Много внимания уделяется торговым и порубежным делам. Если попытаться охарактеризовать принцип отношения со Швецией одним словом, то им будет — практичность» [Филюшкин 2013: 139]. Эту же черту можно отметить и в значительной части корпуса переписки с Данией, посвященной вопросам о морской торговле и разбойным нападениям.

Вышеуказанные особенности переписки Ивана с ногаями позволяют ставить под вопрос ее определение как дипломатической. Так, среди понятий, используемых ногайскими беями («князьями») в посланиях Ивану IV, неоднократно встречается «челобитье» («таусалам», «“нижайшее” или “почтительнейшее” приветствие» [Зайцев 2011: 5]). Пограничное положение ногайских посланий Ивану IV между дипломатической корреспонденцией и «письмами во власть» свидетельствует о тенденции, которая приведет к тому, что в XVII в. ногайские правители будут заслушивать царские послания, сняв шапку [Трепавлов 2016: 567], что является прямым проявлением зависимого статуса. Одновременно представляется, что эта пограничность осознавалась в качестве двусмысленности и неурегулированности статуса уже в дипломатической переписке второй половины XVI в. [Там же: 627–633] Тем не менее важной особенностью переписки с ногаями, позволяющей применять к ней определение дипломатической, становится апелляция Ивана к институтам и принципам, существовавшим в Ногайской Орде. Так, корпус посланий содержит примеры формулировок, в которых «запрос» может быть истолкован не только в контексте выгоды, но и в тесной связи с существовавшей среди мирз иерархией родства. Например, в послании Тинбай-мирзы присутствует указание на преимущественное перед количеством пожалованного значение равенства «присылки» равным по статусу получателям: «А что ни пришлешь, чтобы еси с Урус мирзою прислал ровно»[16]; более ярко это значение артикулировано в послании Сеид-Ахмета мирзы:

> Да и казначѣя б еси моего сь его казначѣем ровно смотрил, счастливый господарь, чѣм Урус мирзу пожялуеш, мено (так в тексте. — *Н. К.*) бы еси тем же пожяловал, много ли, мало ли пожялуешь (разрядка моя. — *Н. К.*), ко мнѣ пришлешь[17].

Более того, в зависимости от старшинства Иван посылал к мирзам либо служилых татар, либо послов, причем просьба прислать послов зачастую соседствовала с просьбой о присылке денег и товаров, а присылка посла (или «сына боярского») противопоставлялась присылке служилого татарина как знак большего почета. Логику выражения символического почета, его связь с внутренней иерархией ногаев показывает следующая фраза из послания Ивана:

[16] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 60 об.
[17] Там же. Л. 66–66 об.

> И к Ак мирзѣ, и к Бек мирзѣ Шихмамаевым дѣтем посла своево сына боярсково, к обѣма им, ныне послали есмя потому ж. А к брате к их свое жаловане послали ж есмя по прежнему с татары с служилыми. А к сыну твоему, к Тинмагметю, послали есмя опричного татарина служилого. А не ко всѣм мирзам детей боярских послылат, дотолева в нагаи толко по два сына боярских послов посылали есмя при отцѣ вашем и при дяде вашем. А ныне для своего жалованя тебѣ, и к Урусу мирзѣ, и ко всѣм мирзам к братям вашим, и к дѣтем, и к племянником осми послов детей боярских своих посылаем. А преж сего николи по толку не бывало ни в полы того, и вам то пригоже на себѣ наше жаловане памятовати[18].

Сами оживленность ногайского направления дипломатических сношений и частота контактов с ногаями указывают на невозможность отнести их к подданным царя. Это подтверждается тем, что ногаи не платили податей и не подчинялись нормам судебника. Переписка с Иваном зачастую содержит апелляцию к сложившемуся между ногаями и «белым царем» специфическому порядку отношений, который не должно нарушать:

> …потому у вас у царей в обыче так ведетца наперед сего которое жаловане свое к отцу нашему присылал еси, и как отца нашего не стало, и то жаловане даетца сыну[19].

Послания Ивана содержат примеры разрешения притязаний на большее или меньшее пожалование, аргументированное существующим «в ногаех» порядком старшинства («А с Урусом тебѣ в ровенстве быти не пригоже: Урус тебѣ дядя, а се в нагайской ордѣ нурадын (т. е. наследник бия. — *Н. К.*)»[20]); от требующего выделить себя из общей иерархии Хан-мирзы Иван требует «слушат во всем дяди своего Тинехмата, князя и отца своего Уруса, хоти бы хто и старее тебя в нагаех, и тѣм всѣм пригоже начальных людей в нагаех (разрядка моя. — *Н. К.*) слушат и чтит их, дядю твоего князя Тинехмата, что он княз в нагаех, и отца твоего Уруса мирзы, что он нурадыном в нагаех»[21]. Таким образом, как и в случае герцога Магнуса, пограничный статус дипломатии и «вассалитета» может быть констатирован в сохранении Ногайской Ордой собственной структуры отношений, при том что вся эта структура в значительной степени была включена в структуру наемнической службы у московского правителя. Это состояние подтверждается и обоснованием запроса, поскольку «посылка» Ивана требуется для уплаты жалованья служилым людям, которые в конечном итоге находятся на службе не у мирзы, а у самого Ивана:

> А мы отца своего дѣти, а люди всѣ отца нашего к нам ѣдут, а и досталные хотят, и нам бы их было чѣм твоим жалованем жаловати и укрепити у себя[22].

[18] Там же. Л. 88 об.–89.
[19] Там же. Л. 248 об.
[20] Там же. Л. 153 об.
[21] Там же. Л. 171–171 об.
[22] Там же. Л. 378 об.

> И посмотря по твоей службе и правде и свыше б того пожаловати, долгу на тебѣ много, а заимал еси для слуг своих, а твои слуги мои ж слуги. И нам бы пожаловати к тебѣ с твоим послом сто рублев прислати, гараздо о том печалуешся[23].

Однако характерно, что такое положение дел приводило к употреблению в прошениях формы отцовства по отношению к Ивану: «оприч тебя у нас отца нѣт»[24].

Более того, в переписке с Иваном ногайские мирзы также называют себя холопами: «яз холоп твой»[25], «в холопстве стоим»[26], «в холопстве и в службе стою»[27], «холопством печалуюся»[28], «мирзы твои холопи»[29], «А мы всѣ братя и мал и велик, за твое жалованье в холопстве и в дружбе от тебя неотступны»[30], «будем в твоей воли и в холопстве»[31]. Понятие о холопстве, однако, может корректироваться и в ответе Ивана «в ‹…› холопстве и в правде стоиш»[32], поскольку это сочетание, за которым следует уточняющая формулировка «другу нашему друг, а недругу нашему недруг еси»[33], подводит к обоюдным обязательствам, связывающим Ивана и ногайского мирзу. Так, послание Уруса-князя содержит упрек в адрес царя, нарушающего обоюдность такого соглашения:

> А ты с таким с Акназаром царем в дружбе будучи на всякой год послы деи посылаеш з Бухарским с царевым послом и с Азимовым царевым послом вмѣсте с ними прикошевав послов посылаеш. И такое дѣло господарем пригоже л[и] дѣлат толко другом будучи, и так быти непригоже. И после того хотя со мною одное вѣры, и яз и з Девлет Кирѣем царем не говорил, а Акназар царь с тобою розные вѣры, и тому дѣлу быт не пригож, сам еси вѣдаеш[34].

Более того, в ответном послании Иван соглашается с аргументами Уруса: «вам Акназар царь недруг, тогды и нам Акназар в дружбе не будет николи»[35]. Этот случай достаточно ярко раскрывает особый вид соглашения между ногаями и московским правителем — шерть. Ссылки на эти соглашения составляют важную и неизменную часть переписки, раскрывают взаимный характер обязательств, а также возможность разрыва соглашения при их несоблюдении: «…толко наше жалованье до тебя доидет, а ты на своей правде не учнеш стояти, и та шерть и рота будет на тебѣ. И толко мы того не пожалуем, и та шерть буди

[23] Там же. Л. 286 об.–287.
[24] Там же. Л. 379.
[25] Там же. Л. 62 об.
[26] Там же. Л. 237.
[27] Там же. Л. 248.
[28] Там же. Л. 249
[29] Там же. Л. 378.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 379.
[32] Там же. Л. 286 об.
[33] Там же.
[34] Там же. Л. 231 об.–232.
[35] Там же. Л. 274.

на нас»[36], — пишет Иван. Впрочем, необходимо оговорить, что особенности риторики в переписке с Иваном зависят от особенностей положения конкретного мирзы[37]. Так, Хан-мирза, претендовавший на обход порядка старшинства в связи с его лояльностью Ивану и «отставанием» от его врагов, несмотря на общность веры с последним и различие с первым (констатация чего, впрочем, была общим местом ногайских посланий и не вела к столь решительным притязаниям), в другом послании использует фразу, показывающую двусмысленность подчиненного статуса ногаев, в котором понятие «покоритися» требует взамен «целого братства» с Иваном:

> И ты б, брат мой бѣлой княз, братство чинил цѣлое. И толко цѣлое братство не учиниш, и мнѣ нѣчего для тебѣ покоритися[38].

Двусмысленность дипломатического статуса ногаев показывает и приведенный А.А. Горским более ранний пример: «и ты нас холопом и братом (разрядка моя. — *Н. К.*) назовешь, а другу твоему друзи есмя, и недругу твоему сколько нашие силы недрузи» [Горский 2003: 81], показывающий не только связь между понятием «покориться» (предложенного также шведскому королю как условие продолжения переписки) и понятием «холопство», но и между «холопством» и «братством». Сочетание этих понятий представляется главной причиной, по которой вопрос о пограничности ногайских писем между дипломатическими посланиями и «письмами во власть» не может быть разрешен однозначно и позволяет говорить о наличии специфического понимания дипломатии на ногайском направлении.

Не исключено, что конфликт Ивана с королями Дании и Швеции был вызван распространением специфических для «восточного» направления реалий на европейское направление: так, А. А. Горский констатирует, что риторика «холопства» «явно восходит к ордынской политической практике» [Там же: 82]. На такое распространение могут указывать несколько примеров употребления Иваном в переписке с Юханом тюркизма «слово то» (буквальный перевод сочетания «сезюм» — приветственного церемониального оборота)[39], характерного для «восточного» направления дипломатических сношений, что может говорить об одних и тех же составителях грамот на этих двух направлениях либо же о сознательном риторическом приеме в шведских посланиях. Любопытно и то, что шведское посольство во главе с Павлом Абовским, прибывшее в Москву в начале 1568 г. в крайне конфликтный момент (после попытки похищения послами Ивана жены Юхана Катерины и ответного «бесчестия и ограбления», учиненного Юханом над послами), было размещено на ногайском подворье[40]. Можно заметить, что многочисленные посланники

[36] Там же. Л. 142.

[37] См., например, вывод М. В. Моисеева о том, что «долгое время характер и лицо русско-ногайских связей будет определяться не шертными записями, а конкретными отношениями с каждым конкретным ногайским аристократом» [Моисеев 2014: 89].

[38] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 255.

[39] Riksarkivet. Muscovitika. № 671. Л. 139 об., 140, 160, 164; РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 2. Л. 182 об.; «слово то» также дважды появляется в посланиях Ивана панам рад и один раз — королю Сигизмунду.

[40] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 2. Л. 123.

в Ногайскую Орду редко совмещали это направление с каким-либо другим, однако исключением стал П. Г. Совин, после поездки к ногаям отправлявшийся в Данию в составе посольства, которое и сообщило о причинах понижения ее дипломатического статуса. Впрочем, это исключение может свидетельствовать не о понижении статуса Дании, а о повышении самого Совина, утвердившего с ногаями выгодную шерть[41]. Можно предположить и влияние на символическое сопоставление Дании и Ногайской Орды наличия у ногайских мирз и датского короля (а также у «голдовника» Магнуса) схожей функции в дипломатии Ивана: ногайские мирзы также играют роль информаторов и поставщиков военной силы (хотя от Дании последнее только ожидалось, призыв к союзу против шведского короля проходит красной нитью через значительную часть посланий Ивана). Так, сообщение «вестей» является одним из основных условий взаимоотношений Ивана и мирз: «А вперед толко будут у тебя ис Крыму недобрые вѣсти, и ты к нам о том хочеш известити»[42], «и что будет яз какие вѣсти ни услышю, и яз о том извещю тебѣ»[43], — в связи с чем особенное значение приобретала близость местонахождения кочевников к «неспокойным» территориям, в первую очередь Казани и Астрахани, которые необходимо было охранять от набегов Крымского ханства. Так, наряду с заверениями Ивана в собственной лояльности мирзы упоминают факт кочевья «блиско Асторохани»[44], «блиско Казани»[45], «близко Волги»[46].

* * *

Подводя итоги, представляется возможным признать подтвержденным вывод о совмещении в дипломатических категориях Ивана Грозного и его посольской службы «восточных» и «европейских» дипломатических дискурсов. Это совмещение основывалось на претензиях Ивана к статусу своих контрагентов, на его несогласии признать их статус равным своему и на его требовании использовать почтительные формулы (употреблять формулу *бить челом*, не «писаться» братом) и формы (переписываться не с Иваном, а с его наместниками), поскольку такая почтительность подразумевалась прежде всего со стороны наследников Золотой Орды, что постоянно декларировалось Иваном при сношении с европейскими правителями. Таким образом, можно сделать вывод, что в посольской службе Ивана не существовало жесткого разделения на «европейское» и «степное» направления, а контрагенты на этих направлениях включались в единую иерархию. Представляется, что на осмысление дипломатических связей с теми из них, кого Иван считал ниже себя, оказала влияние постордынская система отношений и категорий, чем в том числе, возможно, и обусловливалась частотность конфликтов о статусе с европейскими правителями. Значение этого вывода видится прежде всего в определении границ дипломатического для культуры Московского государства XVI в.,

[41] См., например: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1 слл. (цит. по: [Посольские книги б. г.]); ср. [Трепавлов 2016: 614].
[42] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 135 об.
[43] Там же. Л. 73 об.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 68 об.
[46] Там же. Л. 395 об.

поскольку эта система категорий, совмещающая «братство» и «холопство», помещает ряд эпистолярных текстов, адресованных Ивану, в пограничное положение между дипломатической корреспонденцией и «письмами во власть». Для дальнейшего изучения переписки Ивана Грозного существенным является то, что эта черта средневековой дипломатии создает дискуссионные вопросы при источниковедческой классификации: 1) какие тексты можно считать дипломатическими посланиями; 2) в каких категориях можно говорить о дипломатии Ивана Грозного как о единой системе, учитывая одновременно и различие в ней дискурсов, происходящих из практики европейской и постордынской дипломатии, и совмещение этих дискурсов в казусах, рассмотренных в настоящей статье; 3) какие тексты в связи с этим должны быть включены в корпус дипломатической переписки Ивана IV, а какие исключены из него. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что такие казусы обладают особым значением для исследования дипломатической переписки Ивана Грозного, поскольку выявляют (в ходе ответов на эти вопросы) сами принципы ее осмысления в политической культуре второй половины XVI в.

Источники

Опубликованные

Датский архив 1893 — *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М.: Универ. тип., 1893.

Послание 2001 — Послание [Ивана Грозного] шведскому королю Юхану III 1573 года / Подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. и коммент. Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 2001. С. 116–135.

Посольская книга 1984 — Посольская книга по связям России с Ногайской ордой, 1489–1508 гг. / Подгот. текста и вступ. ст. М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР, 1984.

Русские акты 1897 — Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб.: [б. и.], 1897. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею; Т. 16).

Ульфельдт 2002 — *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / Пер. Л. Н. Годовиковой. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Неопубликованные

РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1. Кн. 1, 2.

РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с Ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 6, 8.

РГАДА. Ф. 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей). Оп. 1. Кн. 3.

Riksarkivet (Стокгольм). Muscovitika. № 671.

Базы данных

Посольские книги б. г. — Посольские книги конца XV — начала XVIII вв. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#agents.

Литература

Бахманн-Медик 2017 — *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.

Горский 2003 — *Горский А. А*. О происхождении «холопства» московской знати // Отечественная история. 2003. № 3. С. 80–83.

Зайцев 2011 — *Зайцев А. И*. «Таусалам»: Из истории золотоордынского дипломатического церемониала // Тюркологический сборник 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2011. С. 1–7.

Кром 2013 — *Кром М. М*. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гарретa, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94–125.

Кром 2015 — *Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015.

Лунд 2011 — *Лунд К.-Х*. К первому опыту дипломатического перевода с русского на датский // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2011. № 4. С. 51–68.

Лунд, Иванова 2012 — *Лунд К.-Х., Иванова О. В*. Хенрик Олуфсен — датский переводчик XVI в. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 5. С. 88–111.

Моисеев 2011a — *Моисеев М. В*. Модели поведения дипломатов Московской Руси: общее и индивидуальное (на примере русско-ногайских отношений XVI века) // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 4 / Ред. А. В. Мартынюк. Минск: РЯВШ, 2011. С. 192–201.

Моисеев 2011b — *Моисеев М. В.* Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2011. № 4. С. 17–31.

Моисеев 2014 — *Моисеев М. В*. Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 84–90.

Саид 2012 — *Саид Э*. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012.

Трепавлов 2016 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казан. недвижимость, 2016.

Филюшкин 2006 — *Филюшкин А. И.* Титулы русских государей. СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Филюшкин 2013 — *Филюшкин А. И*. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. (Studiorum Slavicorum Orbis).

Хорошкевич 1980 — *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.: Наука, 1980.

Щербачев 1887 — *Щ*[*ербачев*] *Ю.* [*Н*.] Два посольства при Иоанне IV Васильевиче // Русский вестник. Т. 189. [№ 7]. 1887. С. 88–175.

Сокращения

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

References

Bakhmann-Medik, D. (2017). *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Trans. from Bachmann-Medick, D. (2006). *Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften.* Reinbek: Rowohlt]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Filiushkin, A. I. (2006). *Tituly russkikh gosudarei* [Titles of Russian rulers]. St. Petersburg: Al'ians-Arkheo. (In Russian).

Filiushkin, A. I. (2013). *Izobretaia pervuiu voinu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI veka glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the first war between Russia and Europe: Baltic wars of the second half of the 16th century as viewed by contemporaries and posterity]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian).

Gorskii, A. A. (2003). O proiskhozhdenii "kholopstva" moskovskoi znati [On the origination of the 'slavery' of Muscovite aristocracy]. *Otechestvennaia istoriia* [Russian History]*, 2003*(3), 80–83. (In Russian).

Khoroshkevich, A. L. (1980). *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v.* [Russian state in the system of foreign relations at the end of the 15th — beginning of the 16th century]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Krom, M. M. (2013). Ispol'zovanie poniatii v issledovaniiakh po istorii dopetrovskoi Rusi: smena vekh i novye orientiry [Using concepts in studies on the history of pre-Petrine Russia: Change of landmarks and new signposts]. In G. Garreta, G. Diufo, L. Pimenova (Eds.). *Kak my pishem istoriiu?* [How do we write history?], 94–125. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Krom, M. M. (2015). *Vvedenie v istoricheskuiu komparativistiku* [Introduction to comparative studies in history]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).

Lund, K.-Kh. (2011). K pervomu opytu diplomaticheskogo perevoda s russkogo na datskii [The first attempt at a diplomatic translation from Russian into Danish]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], Ser. 9: *Filologiia* [Philology]*, 2011*(4), 51–68. (In Russian).

Lund, K.-Kh., Ivanova, O. V. (2012). Khenrik Olufsen — datskii perevodchik XVI veka [Henrik Olufsen — A 16th century Danish translator]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], Ser. 9: *Filologiia* [Philology]*, 2012*(5), 88–111. (In Russian).

Moiseev, M. V. (2011a). Evoliutsiia i soderzhanie posol'skikh darov-"pominok" v russko-nogaiskikh otnosheniiakh XVI veka [The evolution and content of ambassadorial gifts-"pominki" in the Russian-Nogai relationship during the 16th century]. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova* [Bulletin of M. I. Sholokhov Moscow State University for the Humanities], Ser. *Istoriia i politologiia* [History and Political Science]*, 2011*(4), 17–30. (In Russian).

Moiseev, M. V. (2011b). Modeli povedeniia diplomatov Moskovskoi Rusi: obshchee i individual'noe (na primere russko-nogaiskikh otnoshenii XVI veka) [Models of behavior of diplomats of Moscow Russia: The general and the individual (on the example of Russian relations with Nogaj Horde in the 16th century)]. In A. V. Martyniuk (Ed.). *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy* [Studies on the history of Eastern Europe] (Vol. 4), 192–201. Minsk: RIaVSh. (In Russian).

Moiseev, M. V. (2014). Shertnye gramoty v kontekste russko-nogaiskikh otnoshenii v XVI veke [Oath ('Shert'') charters in the context of Russian-Nogai relationships in 16th century]. *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]*, 2014*(6), 84–90. (In Russian).

Said, E. V. (2012). *Kul'tura i imperializm* [Trans. from Said, E. W. (1994). *Culture and Imperialism.* New York: Vintage Books]. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Shch[erbachev], Iu. [N.] (1887). Dva posol'stva pri Ioanne IV Vasil'eviche [Two embassies of the time of Ivan the Terrible]. *Russkii vestnik* [Russian Herald]*, 189*([7]), 88–175. (In Russian).

Trepavlov, V. V. (2016*). Istoriia Nogaiskoi Ordy* [The history of the Nogai Horde]. 2nd ed., rev. and enl. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost'. (In Russian).

Zaitsev, A. I. (2010). "Tausalam": Iz istorii zolotoordynskogo diplomaticheskogo tseremoniala ['Tausalam': From the history of diplomatic ceremonies of the Golden Horde]. In S. G. Kliashtornyi (Ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2009–2010. Tiurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turcologica 2009–2010. Turkic peoples of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages], 1–7. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Ника Александровна Кочековская
магистрант,
факультет гуманитарных наук,
стажер-исследователь,
Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований
имени А. В. Полетаева (ИГИТИ),
Национальный исследовательский
институт «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва,
Мясницкая ул., д. 20
*Тел.: + 7 (495) 772-95-90 *12514*
✉ *nakochekovskaya@edu.hse.ru*

Information about the author

Nika A. Kochekovskaya
MA Student, Faculty for the Humanities,
Research Assistant, Poletayev Institute
for Theoretical Historical Studies
in the Humanities,
National Research University
Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20
*Tel.: +7 (495) 772-95-90 *12514*
✉ *nakochekovskaya@edu.hse.ru*